

— Как только у меня появились симптомы, меня изолировали. Через неделю мне стало легче, врачи подтвердили, что это обычная простуда, но кашель то появлялся, то исчезал. — Гу Яо вздохнул, словно вспоминая тревогу того времени. — Моя мачеха была беременна и не пустила меня домой, сказав, что я могу быть переносчиком вируса. Отец снял для меня квартиру на стороне.

— Твой отец просто ужасный! — Лю Сычэнь нахмурился, топая ногой от возмущения.

Гу Яо, глядя на его сердитое личико, почувствовал укол в сердце и продолжил:

— Моя мама умерла рано, а в смутные времена семью дедушки по материнской линии репрессировали, остался только дядя. Он весь год в разъездах и редко бывает в Пекине. Другие родственники тоже боялись, что я могу быть переносчиком вируса, и никто не хотел приютить меня хоть на время. Мне пришлось собрать вещи и переехать в квартиру, которую снял отец. Но я не ожидал, что хозяин окажется нечист на руку.

— Я застал его за кражей, мы подрались, он пострадал. У него есть связи с бандитами, он стал донимать моего отца. Отец в ярости отправил меня сюда. Чжао Чуньхуа не моя родственница, она дальняя родня моей мачехи. — Гу Яо, вспоминая о мачехе, выразил явное отвращение, а в голосе появился ледяной холод.

— Отец женился на ней из-за ее статуса дочери бедняка, чтобы прикрыть клеймо «капиталистической и помещичьей шайки», которое навесили на мою мать. — Гу Яо вздохнул, и в его холодном голосе появилась печаль. — Мама умерла меньше полугода назад, а отец уже поспешил жениться. Мои дедушка и бабушка тоже ненавидели мою мать из-за того клейма, которое на ней висело, оно мешало их сыну. Они, наверное, только того и желали, чтобы она померла поскорее. Я больше не жду ничего от той семьи.

— Ничего, у тебя есть мы. — Лю Сычэнь, растроганный его словами, бросился к нему и крепко обнял за шею.

Гу Яо на мгновение замер, затем расслабился и прижался лицом к мягкой шее ребенка, его голос слегка дрожал.

— Спасибо.

— Я всегда буду с тобой. Если твой отец не заботится о тебе, то буду заботиться я. Ты теперь часть моей семьи. — Лю Сычэнь, глядя на его слегка покрасневшие глаза, почувствовал прилив решимости. Отныне я буду твоим защитником, мы будем жить в достатке.

Прежде чем Гу Яо успел ответить, Лю Сычэнь получил легкий шлепок от отца, который слушал их разговор.

— Что ты можешь сделать, малыш? Только не обижай маленького Гу Яо, — затем он мягко сказал Гу Яо. — Мы с женой будем заботиться о вас, не переживай, учись хорошо.

— Спасибо, дядя. — Гу Яо кивнул. Полгода назад он был совершенно чужим для этой семьи, а теперь они стали его семьей.

На второй день Нового года многие люди, которые были обязаны дедушке Лю, начали приходить с поздравлениями. В доме Лю было шумно до пятого дня праздника.

Родители Лю Сычэня провели спокойный праздник, а на восьмой день начали собираться

обратно в центр провинции. Боясь, что мама Лю может упасть, Гу Яо и Лю Сычэнь настояли на том, чтобы проводить их до уездного города и посадить на автобус в центр провинции.

На восьмой день рабочие начали возвращаться на работу, но только половина магазинов открылась, так как перед праздниками все запаслись продуктами, и в январе бизнес был вялым.

Дом старика Чжана был закрыт, и они не знали, куда он ушел, поэтому решили идти пешком, надеясь по пути поймать попутку.

Дорога была гравийной, машин почти не было, а те, что были, — это тракторы или трехколесные велосипеды. Пройдя половину пути, они заметили что-то странное: за ними ехал трехколесный велосипед.

Они ускорялись — велосипед тоже ускорялся. Они останавливались — велосипед почти останавливался.

— Почему они за нами следят? — Лю Сычэнь, держась за руку Гу Яо, почувствовал тревогу.

Гу Яо, держа его за руку, двинулся вперед. Впереди был участок дороги с кустарниками, где дорога возвышалась, а по бокам были крутые склоны, покрытые голыми ветками кустов и разбросанными камнями.

Как только они вошли на этот участок, трехколесный велосипед внезапно ускорился. Гу Яо резко схватил Лю Сычэня и оттащил его в сторону, увидев, что на велосипеде сидят трое мужчин — те самые хулиганы, которые пытались ограбить их в прошлый раз и получили от Гу Яо.

— Черт, берите оружие! — трое мужчин на велосипеде выскочили наружу с железными прутьями. Водитель был незнакомцем, они его раньше не видели, но в его руке был нож.

— Гу Яо! — Лю Сычэнь испугался. Четверо против двоих, все с оружием, и в отличие от прошлого раза, они не смогут застать их врасплох. Шансов было мало.

— Не бойся, прячься позади. — Гу Яо оттащил его на пару шагов назад, пока те нагоняли их. Он мог только позаботиться о том, чтобы спрятать ребенка, а сам повернулся, чтобы принять бой.

Один против четверых, да еще с ножом, Гу Яо после нескольких ударов уже получил несколько ран.

— Гу Яо! — Лю Сычэнь чуть не заплакал, увидев, как прут летит в сторону Гу Яо. Он схватил камень и изо всех сил бросил его.

— Ааа! — Камень попал тому в лоб, и кровь брызнула наружу. Человек, схватившись за лоб, закричал и, полный ярости, бросился к Лю Сычэню.

Лю Сычэнь побежал, оказавшись в лесу, он не успел подумать и сразу вошел в Лекарственный сад. Человек, не понимая, куда исчез ребенок, оглянулся и увидел, что Лю Сычэнь стоит на том же месте, где был несколько секунд назад, смотря на него с гневом в глазах. Это заставило его почувствовать страх, и холодный пот выступил на лбу.

— Черт, откуда ты взялся? Иди сюда! — Мужчина, размахивая прутом, бросился к нему.

Лю Сычэнь, увидев, что он приближается, бросил ему в лицо что-то красное. Порошок попал на лицо мужчины, и он, закричав, бросил прут и упал на землю, закрывая глаза.

Лю Сычэнь, стряхнув перец с рук, побежал обратно к Гу Яо. Тот, сражаясь, увидел, что Лю Сычэнь в безопасности, и немного расслабился, но в этот момент мужчина с ножом напал на него сзади. Гу Яо, получив удар прутом по спине, едва успел увернуться, но нож все же поранил его, и белая вата на куртке сразу же окрасилась в красный цвет.

Лю Сычэнь закричал от ужаса и бросился к нему.

Гу Яо, в панике, крикнул ему:

— Не подходи!

Лю Сычэнь почувствовал, как сердце его сжалось, а глаза наполнились слезами. Трое нападающих, увидев кровь, тоже испугались. Они не были настоящими убийцами и понимали, что убийство карается смертью. Они просто случайно встретили Гу Яо и Лю Сычэня на улице и, все еще злясь из-за прошлого раза, решили проучить их.

Но Гу Яо оказался слишком сильным, и они, сражаясь, становились все более жестокими. Теперь, увидев, что он весь в крови, они испугались, что могут его убить.

Мужчина с ножом пнул Гу Яо и сказал:

— Пошли! Оставим их.

Лю Сычэнь посмотрел на них с ненавистью и бросился к Гу Яо, который едва держался на ногах. Видя бледное лицо юноши, его руки дрожали.

Лю Сычэнь расстегнул его одежду. На дороге было тихо, не было ни души. Лю Сычэнь, стиснув зубы, посмотрел на полубессознательного Гу Яо и мысленно произнес заклинание. В следующий момент они исчезли, оставив на земле лишь несколько капель крови.

Мужчина, брошенный Лю Сычэнем в кустах, только поднялся, его глаза все еще были закрыты, и он не видел этого чуда.

Рана Гу Яо была на боку. Лю Сычэнь отрезал кусок своей одежды, приготовил несколько трав, чтобы остановить кровь и снять воспаление, и перевязал рану.

— Сычэнь... — Гу Яо, очнувшись, слабо открыл глаза и посмотрел на него, словно все еще беспокоясь о нем.

— Все в порядке, плохие парни ушли, я остановил кровь. — Лю Сычэнь, кусая губу, сдерживал слезы.

— Хорошо, оставайся со мной... — Гу Яо с легкой улыбкой снова потерял сознание.

Лю Сычэнь вспомнил их прежний договор, и горячая слеза скатилась по его щеке. Он быстро вытер лицо и, срывающимся голосом, сказал:

— Гу Яо, я буду с тобой, если только ты не будешь меня презирать.